

же определяют и тему и объем своих сочинений, то Феофан в преамбуле подчеркивает свою непричастность к созданию структуры «Хронографии», ее тематическому разделению.

В противоположность цикличности Византии в античной историографии у Феофана время линейно незамкнуто, как это было в ряде новых историографических жанров ранней Византии. Начало движения времени — в движении от сотворения мира в прошлом, описанном ранее Георгием Синкеллом, к которому апеллирует Феофан. Сам он ведет повествование с момента вольного — в историческом смысле — момента, а именно с момента, где обрывается рассказ Георгия. Окончание «Хронографии» так же незамкнуто, она как бы внезапно прервана, ее можно продолжить дальше (естественно поэтому ее продолжения в византийской историографии следующих веков, в частности, в хронике «Продолжателя Феофана»). Приурочивание тех или иных событий к датам ставится внешним, произвольным моментом. Время у Феофана оказывается не только незамкнутым, но и разорванным на иррегулярные, формально вычлененные (резки-годы). Тем самым история воспринимается автором не как процесс, поступательное движение, а как сумма внутренних связей между собой связанных фрагментов событий. Движущие силы истории проявляются в этом случае проявлением божественной воли, воплощенной в исторических событиях.

Неоднозначны и пространственные характеристики у Феофана. С одной стороны, мы встречаем у него описания и восточного мира, и Запада, и столицы, и провинции, и ромеев, и варварского мира, что свидетельствует, казалось бы, об уникальности, но и о безразличии к конкретным пространственным характеристикам.

Отсюда и географические неточности! вернее, пренебрежение географической точностью. Очевидным исключением становится Константинополь. Столице посвящена и большая топографическая детализация, нередко настойчиво подчеркиваем автором («в Юлиановской гавани, с